

Рене Герра напомнил о себе России

Коммерсантъ. — 2003. — 12 авг. — с. 13.
проект-музей

В Москве состоялась пресс-конференция Рене Герра — французского профессора-слависта, владеющего одной из самых крупных коллекций русского искусства периода 1920–1970 годов. Коллекционер намекнул, что был бы не прочь завести музей.

Официальная цель визита господина Герра в Россию если и существовала, то так и осталась непроясненной: на открытии пресс-конференции что-то оличных контактах было сказано совсем вскользь. Ту же осторожность формулировок и как будто бы постоянный страх сказать больше, чем стоило бы, французский профессор, чей неродной русский язык выдает только произношение слов вроде «тиражируемые» или «тъяп-ляп», демонстрировал первые полчаса общения с немногочисленными собравшимися журналистами.

Например, на вопрос, не думает ли он о том, чтобы сделать свою коллекцию работ художников и писателей первой волны эмиграции (собрание насчитывает приблизительно 4 тыс. картин и графических листов, более 30 тыс. книг и почти 18 тыс. единиц архивных материалов), господин Герра ответил, что, разумеется, думает, но только совсем не в том ключе, чтобы все добро ни с того ни с сего сделалось достоянием народа: «Я и так с 1998 года принимаю в двух своих домах в Париже всех желающих, имениных и нет, никому не отказываю. Но учитывая то, что я все же не на пенсии, а осмотр экспозиции носит приватный характер, то 10 или 15 человек в день водить уже не представляется возможным». В идеале, по мнению коллекционера, его собрание могло бы достойно разместиться в специально созданном музее в Ницце, а еще лучше в Париже. Но и это не все.

Для того чтобы доступ к собранию работ Бенуа и архивам

Бунина получили хотя бы искусствоведы, необходимо, чтобы с «российской стороны были предприняты некие шаги». Простодушную гипотезу о том, не имеется ли в виду под шагами просто мобилизация неважно чьего капитала, Рене Герра решительно отклонил, после чего журналисты на французского профессора немножко обиделись и напрямик сказали: «Чего-то вы недоговариваете». На дальнейшие вопросы славист реагировал в манере оригинала и подстрочника: после причесанного общего ответа и обязательной концовки «Я вполне ответил?» следовала небольшая пауза, слова «проще говоря» и пояснения для неуловивших.

Ими выпускник Сорбонны, защитивший диплом по творчеству Бориса Зайцева и превратившийся для русских приятелей в Рене Юлиановича Герра, признался, что ничего, кроме выраженной государственной воли, ему сейчас не нужно. «Если бы Россия, которая по логике вещей должна бы проявить мало-мальски существенный интерес, его проявила, то нашлись бы и здание, и деньги. Если этого интереса не будет, то ничего не будет, потому что Франции сейчас это не очень нужно». В выставочном режиме господин Герра, в 1995 году уже привозивший свои сокровища в Третьяковку для проекта «Они забрали с собой Россию... Русские художники-эмигранты в Париже», больше работать не намерен. «Я не попрошайка, поймите, — под конец разволновался Рене Герра. — Я этим жил не один десяток лет и за свою неправильную ориентацию в искусстве заплатил сполна, зато получил хотя бы возможность с ним общаться. Теперь это все должно быть нужно вам, а не мне. История уже показала, что я был прав, когда начал собирать свою коллекцию 30 лет назад. Остальное теперь не мои проблемы».

АЛЯ ХАРЧЕНКО